

Б.В.Корнейчук
ЭКОНОМИСТЫ О ПРИЧИНАХ КРИЗИСА

Экономисты по-разному объясняют причины глобального экономического кризиса 2008-2009 гг. В данной работе предпринята попытка провести анализ и классификацию этих причины. Мы выделяем четыре основных направления исследования причин кризиса. В первую группу мы включили работы, которые претендуют на создание целостной теории глобального кризиса, во вторую группу – работы социалистической и марксистской направленности, а в третью группу – работы институционалистской направленности. К четвертой группе относятся работы практического плана, в которых рассматриваются те или иные инструментальные причины кризиса. В них исследуются разнообразные экономические механизмы, которые способствуют (или препятствуют) развитию кризиса. В силу того, что авторы выделяют множество различных инструментальных факторов кризиса, мы рассмотрели наиболее часто упоминаемый из них – «фактор Стабфонда».

Теории глобального кризиса. Согласно теории Ж.Аттали любой кризис – результат недостатка *информации*. Между настоящим и будущим всегда есть информационная асимметрия, которая провоцирует экономические катаклизмы. Нынешний кризис ставит вопрос о существовании банковской системы как таковой. Главная проблема заключается в том, что вкладчиков обычно не информируют о возможных способах инвестирования и применения вложенных средств. При этом допускают два нарушения. Во-первых, финансисты участвуют в рентабельных, но рискованных инвестициях, подталкивая участников «игры» к задолженности. Во-вторых, банковские специалисты придерживают сведения о лучших способах инвестирования лично для себя. В обоих случаях финансовая система «отклоняется» от своей прямой обязанности – финансирования – и становится машиной извлечения денег в размерах, намного превосходящих общую рентабельность экономики, причем только для «посвященных». Тут-то и начинается кризис. В первом случае стоимость активов достигает огромного, ничем не обеспеченного уровня, а задолженность участников рискованных операций становится неуправляемой. Во втором случае финансовая система забирает непомерную часть прибыли, полученной в результате авантюры, что создает условия для депрессии. Чтобы выявить причину нынешнего кризиса автор рассматривает двигатель современного общества – личную свободу. Он утверждает, что рынок и демократия усиливают друг друга. Однако демократией управляет большинство, которое осуществляет инвестиции и контролирует государственный аппарат, а рынок находится под властью меньшинства – тех, кто может предоставлять капиталы в зависимости от имеющейся информации. Это банкиры, аналитики, частные инвесторы – «посвященные». В современном мире они важнее, чем собственники капитала, поскольку

способны извлекать доход из информации. Термин «посвященные» напоминает о том, что информация теперь является одним из самых ценных ресурсов. Если бы демократия была совершенной и строилась на принципах справедливости, каждый в равной мере имел бы доступ к важным сведениям. Но в реальности существует ограниченный круг лиц, получающих особые, несправедливые дивиденды от экономической и финансовой информации. Если бы все являлись «посвященными», общество могло бы функционировать на основе частных договоров. Но при отсутствии информации, равнодоступной для каждого участника рынка, государство должно устанавливать общественный договор, закрепляющий принципы справедливости и безопасности, действительные для всех, во избежание увеличения неравенства между «посвященными» и прочими, а также инструменты контроля особой касты. Это смягчит диспропорции в накоплениях и последствия разбалансирования рынков, связанные с захватом прибылей «посвященными». Нынешний кризис вызван тем, что информация распространяется по миру все более неравномерно. Те, кто ею владеют, без конца придумывают новые финансовые инструменты и находят им выгодное применение. Ограниченный доступ к информации вызывает избыток предложения, компенсированный задолженностью непосвященных. Это ведет к росту потребления и увеличению долгов. Максимальную выгоду от ситуации получают «посвященные», одновременно соблазняющие самых бедных заемщиков и самых богатых заимодавцев: одни не знают, что со временем придется платить очень высокие проценты по займам, другие – что их сбережения вложены в рискованные финансовые продукты. Когда простые смертные начинают осознавать невыносимость имеющейся задолженности, финансовые продукты ограниченного круга избранных лиц теряют стоимость, а «посвященные» пытаются выйти из невыгодной системы, вызывая панику. Банки накапливают деньги и создают безденежье, что блокирует финансовую систему, при этом «посвященные» добиваются от государства финансирования своих убытков за счет налогоплательщиков. Для борьбы с кризисами Ж.Аттали предлагает создать глобальную систему управления, как можно более демократичную, регулиующую рынки и не позволяющую ничтожному меньшинству присваивать доходы от рискованных операций на основе монополии на информацию. Механизмы контроля должны обеспечивать справедливое распределение информации, ее всеобщую доступность. Нужно в мировом масштабе обязать того, кто подвергает другого риску, разделять с ним ответственность. Надо ограничить фьючерсные рынки реальной экономикой и аннулировать некоторые облигации, созданные «посвященными». Также следует ограничить их доходы реальной рентабельностью экономики. Кризис показал, что небольшая группа людей, не производящая богатств, захватывает на законных основаниях, безо всякого контроля со стороны, важнейшую часть произведенных мировых ценностей, а потом заставляет расплачиваться за свои сверхприбыли простых налогоплательщиков. Если подобная несправедливость происходит «законно», система не имеет права на

существование. Если не принять необходимых мер против анархической и хищнической глобализации, тогда личная свобода, на которой базируются рынок и демократия, станет главной причиной будущих кризисов [2].

Теория глобального кризиса Дж. Сороса основана на концепции *рефлексивности*. По его мнению, мышление участников рынка играет двойственную роль. С одной стороны, они пытаются понять ситуацию на рынке – это когнитивная функция. С другой стороны, пытаются ее изменить – это манипулятивная функция. В случае, когда обе функции действуют одновременно, явление включает в себя не только факты, но и намерения или ожидания. При этом будущее во многом определяется действиями участниками процесса. А это значит, что люди не могут основывать свои решения лишь на знаниях, ведь им приходится иметь дело не только с фактами, но и с непредвиденными будущими обстоятельствами. Намерения и ожидания играют важную роль в социальных процессах: с одной стороны, они вносят в ход событий элемент неуверенности или неопределенности, а с другой – не позволяют считать мнение участников процесса объективным, т.е. знанием. С точки зрения когнитивной функции объективное положение вещей считается независимой переменной, а мнения участников – зависимой; с точки зрения манипулятивной функции все наоборот. Эти две функции действуют в противоположных направлениях и могут оказывать обратное воздействие друг на друга. Такое взаимовлияние Сорос обозначил с помощью понятия рефлексивности. Рефлексивные ситуации предполагают недостаточную связь между мышлением участников и реальным положением вещей. Сорос приводит в качестве примера фондовый рынок: акции покупаются и продаются в расчете на изменение их цен в дальнейшем, однако будущие цены определяются сегодняшними ожиданиями инвесторов. К ожиданиям нельзя относиться так же как, как к знаниям. При отсутствии точного знания участники склонны использовать в процессе принятия решения суждения или предубеждения; в итоге результат отличается от ожиданий. Теорию равновесия и теорию рефлексивности Сорос рассматривает как взаимоисключающие, несовместимые концепции. Он применил теорию рефлексивности для объяснения кризисов. Причину кризиса он видит в том, что финансовые рынки ведут себя неправильно, т.е. они подвержены предубеждениям. В противовес классической теории, предполагающей наличие совершенного знания, ни один экономический субъект не может основывать свои решения только на знании. При этом мнение участников рынка или регулирующих организаций никогда не соответствует реальному положению вещей. Их неверные предположения и ошибочные точки зрения влияют на рыночные цены, но что еще более важно – рыночные цены начинают воздействовать на фундаментальные основы, которые они призваны отражать. Возникает «короткое замыкание», которое принимает форму дополнительного выпуска акций по завышенным ценам или применения заемных средств для обеспечения долга. На самом деле (и вопреки принятой парадигме) рыночные цены не отклоняются от теоретического уровня равновесия случайным образом. Иначе говоря, рынки

никогда не достигают равновесия, о котором говорит традиционная экономическая теория, которая оставляет без внимания причину отклонения реальных цен от теоретического равновесия. По мнению Сороса, в основе нынешнего финансового кризиса лежит игнорирование рефлексивности и использование ошибочных моделей, в особенности для создания синтетических финансовых инструментов [19].

Последователем теории кризисов Сороса является В.Юсим; он связывает первопричину кризисов с рефлексивностью – процессом, при котором цены формируются в основном представлениями участников биржи о будущей тенденции к их росту или падению; при этом уровень доходности этих бумаг или размер активов, которые за ними стоят, практически не влияют на цены. Кризисы возникают в связи с принципиальной неустойчивостью цен, сформировавшихся подобным образом. Схема возникновения кризиса следующая. Котировки ценных бумаг, сложившиеся вследствие рефлексивных процессов, достигают критической массы, при которой их лавинообразное движение вниз может быть вызвано совместным действием нескольких сравнительно слабых факторов (низкие темпы экономического роста, политическая нестабильность и др.). Особо значимый фактор – состояние банковской системы. Снижение котировок акций приводит к оттоку частных вкладов из банков, а проблемы в банковской сфере порождают трудности в реальном секторе экономики, на что незамедлительно реагируют рефлексивные цены на биржах. Возникает система с положительной обратной связью. Автор предлагает три направления совершенствования экономической системы. Во-первых, введение механизмов регулирования рефлексивных процессов ценообразования, в первую очередь биржевого. Рекомендуется привязывать котировки акций к инерционным факторам, например, уровню дивидендов, эффективности финансовой деятельности, темпам экономического роста и т.п. Во-вторых, формирование механизма регулирования денежной массы с целью компенсации потерь денежной массы в результате ограничений на рост котировок ценных бумаг. В-третьих, разработка структуры и условий работы банковской системы, обеспечивающих ее устойчивость к воздействию рефлексивных процессов. По мнению В.Юсима, с глобальным кризисом экономика столкнулась только потому, что в состоянии глубокого кризиса находится экономическая наука, а представления о рефлексивных процессах – это часть будущей теории [24].

По мнению С.Глазьева, нынешний глобальный кризис – лишь проявление закономерностей, predeterminedенных «укладной» концепцией долгосрочного экономического развития. Для преодоления кризиса недостаточно мер по спасению банковской системы и реанимации финансового рынка: они должны быть дополнены стимулированием развития нового, *шестого технологического уклада*, основанного на использовании нанотехнологий. Процесс становления нового уклада вошел в режим устойчивого роста на основе привлечения капитала, оказавшегося избыточным вследствие обвала спроса на продукцию традиционных

производств. При этом повышение экономической активности на основе становления нового уклада не может компенсировать производственный спад в цепочках уклада нисходящего. Позиция автора заключается в том, что только широкое использование технологий нового уклада способно создать основу для новой длинной волны роста мировой экономики. Отсюда следуют два вывода: 1) Для каждого государства необходимо первоочередное освоение производств «ядра» нового уклада; 2) Для развивающихся стран открываются возможности опережающего экономического роста, поскольку они не отягощены избыточными мощностями, отвечающими старому укладу. Динамичное освоение Россией технологий нового уклада дает ей шанс «оседлать» еще не разогнавшуюся длинную волну экономического роста [6].

Социалистические трактовки кризиса. Г.Попов считает, что главной причиной глобального кризиса стал выбор неверной стратегии развития страны после распада СССР. По его мнению, при анализе перспектив развития страны отечественные ученые исходили из ложного постулата о победе капитализма, в то время как *социализм* был более прогрессивным строем, чем капитализм. Отсюда были сделаны неверные выводы. Во-первых, в экономике отказались от политики огосударствления и национализации. Во-вторых, в социальной сфере было существенно сокращен объем обязательств и гарантий; при этом все «социальное» было сведено к потребительству в ущерб развитию личности. В-третьих, в политике за основу была принята модель популистской буржуазной демократии, утвердившейся на Западе в период холодной войны. В-четвертых, не были учтены новые тенденции развития, в том числе становление интеллигенции как основного класса общества. По мнению Г.Попова, *национализация* необходима, поскольку «паразитов надо давить». Он предлагает отходить от популистской демократии в направлении системы, где ведущие члены общества – интеллигенция и налогоплательщики – получают больше возможностей в ходе голосования [17]. А.Бузгалин и А.Колганов анализируют причины глобального кризиса с использованием введенных ими понятий «ложная социальная стоимость» и «превратный сектор экономики», которые имеют марксистскую природу. Наиболее радикальный путь выхода из кризиса они видят в социализации финансов, что предполагает *национализацию* крупнейших банковских институтов при гарантиях неприкосновенности вкладов и постепенной компенсации акционерам банков стоимости акций, принудительное слияние и передача под государственный контроль средних и мелких банков [4]. С.Казанцев объясняет причины глобального кризиса на основе марксистской теории денег: кризис есть закономерный результат нарушения присущих развитому товарному хозяйству пропорций, соблюдение которых необходимо для расширенного воспроизводства. Возможность несоблюдения данных пропорций заложена в самой природе денег как всеобщей меры стоимости и средства платежа. В марксистской теории кризисы являются внутренним механизмом товарного производства и происходят периодически, поэтому никакие меры, осуществляемые правительством или каким-либо наднациональным органом,

не устранят финансовые кризисы, поскольку они не могут отменить деньги и товарно-денежное хозяйство. Мировое хозяйство становится все более *обобществленным* и превращается в наднациональную систему, соответственно и кризис приобретает глобальный характер [10]. Сходную позицию высказывает А.Пороховский. Он считает, что из всех экономистов только К.Маркс предложил цельную теорию воспроизводства, объясняющую причины кризисов и основу периодичности и длительности деловых циклов. Глобальный кризис вновь обнажил вопрос об эффективности рыночной модели развития. Наблюдается очередной удар прагматизма по либерализму и возникновение основы для экономической парадигмы XXI века [18]. Г.Ханин и Д.Фомин видят единственный выход из нынешнего системного кризиса российской экономики в переходе к жесткой (и даже жестокой) мобилизационной модели, которая предполагает значительное усиление роли государства в экономике. Новому социализму придется решать во многом те же задачи, что и *сталинскому руководству* – преодоление в кратчайшие сроки экономической и военной отсталости при негодном государственном аппарате и апатичном населении [21]. По мнению В.Кушлина, глобальный кризис показал опасности, которые вытекают из ориентации экономических механизмов исключительно на принцип западного индивидуализма. Необходимо предложить весомые альтернативы *псевдолиберальному эгоизму* [12]. Р.Гринберг полагает, что кризис поможет очиститься от радикально-либералистских алгоритмов в практике народнохозяйственного регулирования в России. Необходим переход к активной промышленной и социальной политике и долгосрочному индикативному *планированию*; создание госкорпораций – это шаг в правильном направлении [8]. Схожую точку зрения высказывает О.Мамедов. Он считает, что первопричина кризиса в России – неэффективность государственного регулирования деятельности *«стратегических» корпораций*. Простые люди равнодушны к нынешнему кризису, поскольку не достигнута главная цель рыночных реформ – включение народа в экономику на правах ее главного субъекта. При этом за провалы рыночного сектора платит сектор нерыночный, т.е. банкиров спасает простой налогоплательщик [13]. Социалистические трактовки причин кризиса подвергает критике В.Мау, которому нынешний «левый поворот» напоминает быстрый переход от военного коммунизма к нэпу. Он оспаривает мнение, что кризис продемонстрировал необходимость более активного государственного регулирования: государство не справилось с задачей регулирования финансовых рынков, и нет никаких оснований, что оно впредь будет лучше регулировать эти рынки [14]. А.Кудрин также считает ошибкой курс на повышение роли государства как финансового посредника, поскольку частные банки, по его мнению, более эффективно распределяют финансовые ресурсы в экономике, имеют меньшую маржу и снижают степень финансовой нестабильности [11].

Институциональные факторы кризиса. По мнению Ю.Ольсевича, для понимания современного кризиса следует учитывать *психологический тип* людей, которые контролировали экономику США последние 25 лет.

Американцам свойственна энергичность, экспансивность, динамизм, стремление к новаторству, готовность к риску. Но если слабы сдерживающие рамки, то энергия и экспансивность становятся агрессивностью, стремление к новизне и готовность к риску – авантюризмом, поиски благосостояния оборачиваются алчностью, а оптимизм – легкомыслием. Концентрированным проявлением негативных свойств американской психологии в сфере хозяйства являются слабая склонность к сбережениям и потребление в долг. Главный фактор задолженности – традиционная «американская мечта» – надежда на повышение доходов в будущем. Население США не смогло бы впасть в вакханалию избыточной задолженности, если бы ее не поощряли банкиры, которые ведут себя неосторожно, ненадежно и опасно. В современных условиях дерегулирования рынков институциональная структура «выталкивает наверх» особенно агрессивных, алчных и изощренных предпринимателей, готовых на неоправданный риск и обход закона. Вместе с аналогичного типа политиками они угрожают не только мировому хозяйству, но и международному миру. Вину за наступление кризиса Ю.Ольсевич возлагает на ту часть экономической и политической элиты США, которая воспользовалась положением своей страны в глобальной экономике для форсирования хищнического обогащения и военно-политической агрессии. Он заключает: стране оказалось достаточно много менеджеров с психологией хищников, но для преодоления кризиса необходимо найти в ней достаточно предпринимателей с психологией новаторов [15]. В.Тамбовцев исследует глобальный кризис в рамках новой институциональной экономической теории на базе *теории контрактов*. Он рассматривает товары, торгуемые на финансовых рынках, одновременно как невыполненные контракты и как социальные блага, имеющие положительные и отрицательные внешние эффекты. Поскольку компенсация ущерба за счет виновника в этом случае невозможна, регулирование финансовой сферы должно иметь характер запрета на использование отдельных типов контрактов как товаров финансового рынка. Подобные антикризисные ограничения В.Тамбовцев оправдывает тем, что ценные бумаги суть социально значимые блага, схожие по этому признаку с наркотиками. Последние применяются в медицинских целях, однако их свободная продажа запрещена почти во всех странах [20]. По мнению А.Алексеева, нынешний финансовый пузырь возник по причине того, что мировая экономика существенно глобальнее в финансовом смысле, чем в институциональном. Это означает, что деньги везде «одинаковы», а возможности их инвестирования – разные. В развитых странах одновременно выполняется условие «двойной эффективности»: эффективны и инвестиции и *права собственности* на них. Если это условие не выполняется, деньги из экономики утекают: только так собственники могут сохранить и преумножить их. В итоге деньги, вырученные странами-экспортерами сырья, с неизбежностью возвращаются в развитые страны, где это сырье потребляется. Таким образом, если государство не может создать необходимую *институциональную среду* для функционирования бизнеса,

ему приходится содержать те экономики, которые могут это сделать. Задача сводится к тому, чтобы создать иностранному инвестору стимулы для вложения именно в основной капитал российских предприятий, а не просто кредитовать экономику. Следовало изначально развивать собственную экономику за счет приходящей иностранной валюты, а не резервировать доходы, чтобы потом использовать их для погашения своих обязательств [1]. По мнению Ю.Пахомова и С.Пахомова, под финансовой оболочкой нынешнего кризиса скрыто соперничество разных *цивилизационных ценностей*. Глобальный кризис авторы объясняют перерождением протестантских (евроатлантических, западных) ценностей. В их основе лежит труд, рационализм, индивидуализм, самосовершенствование, стремление к успеху, жажда изменить мир и бытовая скромность. Ныне на смену этим ценностям в развитых странах пришли «деградационные» ценности потребительства, которое означает потребление в долг. Таким образом, нынешний кризис они напрямую связывают с долговой потребительской моделью жизнеустройства [16]. С.Вайн в качестве первой причины глобального кризиса называет *жадность* одних и *недостаточную щепетильность* других. Способ вознаграждения банкиров стимулирует взятие на себя краткосрочных рисков и игнорирует долгосрочную прибыль акционеров. Банки хотят получать комиссии за выданные кредиты, и им приходится довольствоваться все менее надежными кредитами. Краткосрочная прибыль должна расти, чтобы главы корпораций получали привычные бонусы; они стоят перед дилеммой: быть уволенными или принять больше риска. В свою очередь, акционеры подгоняют менеджмент компании в борьбе с конкурентами и освоении новых областей. Рейтинговые агентства также заинтересованы в буме, который приносит им рост доходов; они конкурируют между собой за контракты банков на получение рейтинга, что не может не влиять на сам рейтинг. Усилия политиков направлены на краткосрочную популярность; слава и признание для них не менее важны, чем богатство для бизнесменов. Они вынуждены не реагировать на некоторые опасности, поскольку иначе не сбудутся их стратегии. Ради экономического роста они могут допустить увеличение инфляции или перегрев финансового сектора, если он ведет к большему кредитованию, необходимому для повышения благосостояния населения. Автор заключает, что финансовая система рухнула из-за предпочтения личных интересов общественным [5]. А.Шаститко доказывает необходимость реформы системы регулирования, которая предполагает изменение самих подходов к разработке *правил* и принятию регулирующих решений. Он акцентирует внимание на такой институциональной технологии, как «оценка регулирующего воздействия»; с ее помощью общество узнает альтернативы решения проблемы, она ограничивает возможности провести «под шумок» изменения в правилах игры, дающие необоснованные преимущества одной из социальных групп [23]. Как полагает Ю.Болдырев, в России отсутствует *правовая среда*, способная противостоять всеобщему взаимному недоверию хозяйствующих субъектов и их действиям в ущерб народнохозяйственным

интересам. Поэтому реализация любых антикризисных мер блокируется нынешней системой управления государством [3].

Фактор Стабилизационного фонда. Среди специфических причин экономического кризиса 2008-2009 гг. в России многие авторы называют политику «профицитного бюджета и Стабфонда». Как утверждает О.Дмитриева, эта политика на практике не достигла своих двух главных целей: торможение инфляции и страхование рисков национальной экономики. «Стерилизации» денежной массы не происходит, поскольку иммобилизация части доходов бюджета преодолевается либо частными внешними заимствованиями, либо прямыми вливаниями бюджетных средств. Страхование рисков экономики посредством вложения бюджетных доходов в иностранные ценные бумаги оказалось гораздо менее надежным по сравнению с производственным реинвестированием этих доходов, их направлением на расширенное воспроизводство реального сектора [9]. По мнению Л.Григорьева и М.Салихова, политика «Стабфонда» не решает главную задачу – использование собственных сбережений страны на цели развития. Вместо реализации модели финансовых рынков, нацеленной на развитие страны с учетом ее реальных проблем, сложилась система вывоза частного капитала, накопления государственных резервов (синдром нищеты 1990-х годов) и заимствования за рубежом портфельного капитала. Затруднения с портфельными заимствованиями за рубежом при отсутствии национальных механизмов реинвестирования экспортных доходов сделали систему накопления в стране довольно неустойчивой. В России сложился редкий в современную эпоху перекося в распределении сбережений между государством, бизнесом и населением; в отличие от развитых стран более половины сбережений страны находятся у государства. Зависимость частной финансовой системы России от внешнего кредитования при накоплении больших государственных финансовых резервов и значительном вывозе капитала усилили подверженность отечественной экономики внешним шокам [7]. К.Хубиев также считает, что основным противоречием воспроизводственного процесса за последнее десятилетие в России была стерилизация средств инновационного развития в форме Стабилизационного фонда. Такая политика примитивного накопительства отторгает инновационный процесс в народнохозяйственном масштабе, вместе с тем инновационное развитие экономики является самым эффективным средством противостояния экономическим кризисам [22].

Выводы. Экономисты выделяют следующие основные причины глобального экономического кризиса:

- слабое регулирование финансового сектора;
- асимметрия информации на финансовых рынках;
- развитие новых финансовых инструментов;
- кредитование, обеспеченное долгами, секьютеризация, превращение кредита в один из элементов спекулятивной экономики;
- отрыв финансовой сферы от реального сектора экономики;
- утрата доверия инвесторов к надежности финансовой системы;

- игнорирование рефлексивности рынка и использование ошибочных моделей, кризис экономической теории, недопустимая вера в финансовые модели, слабость теории финансов;

- либерализация экономики без учета демократических противовесов, несогласованность между рынком и правом, апология личной свободы и свободы торговли;

- господство алгоритма «хозяйственной жизни взаимности»;

- перенакопление в ходе подъема экономики, дисбаланс в сфере сбережений и накоплений;

- глобальное перемещение производства в страны с низкими издержками и избыточное предложение их сбережений, дисбаланс между азиатскими сбережениями и расходами Запада;

- инвестирование в американские ценные бумаги странами, накапливающими валютные резервы и нефтяные фонды;

- политика низких процентных ставок, которую проводила ФРС США;

- чрезмерный объем нестандартных ипотечных кредитов, ослабление стандартов выдачи займов на рынке жилья;

- особое положение доллара в мировой валютно-финансовой системе, формирование доллара как глобальной резервной валюты, не обеспеченной активами.

Экономисты называют следующие особые причины экономического кризиса в России: неразвитость экономических и политических институтов, сырьевой вариант развития экономики, ее «перегрев», чрезмерный объем государственных расходов и внешнего долга, высокая инфляция, перекос в распределении сбережений в пользу государства, стерилизация средств инновационного развития, хранение средств Центробанка за рубежом, сложность получения долгосрочных кредитов, механизм кредитования производственных предприятий под залог их акций, зависимость российского фондового рынка от зарубежного спекулятивного капитала, действие предприятий-заемщиков в логике «приватизация прибылей и национализация убытков».

Литература

1. Алексеев А. Кризис как предчувствие // ЭКО. 2009. № 3. С. 25-42.
2. Аттали Ж. Мировой экономический кризис... А что дальше? – СПб.: Питер, 2009.
3. Болдырев Ю. К диагностике кризиса и оценке дееспособности «властной вертикали» // Российский экономический журнал. 2008. № 9-10. С. 17-24.
4. Бузгалин А., Колганов А. Мировой экономический кризис и сценарии посткризисного развития: марксистский анализ // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 119-131.
5. Вайн С. Глобальный финансовый кризис: механизмы развития и стратегии выживания. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

6. Глазьев С. Кризис, антикризисные меры и стратегия инновационного народнохозяйственного развития в зеркале теории долгосрочной мегатехнологической динамики // Российский экономический журнал. 2008. № 12. С. 3-9.
7. Григорьев Л., Салихов М. Финансовый кризис-2008: вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 27-45.
8. Гринберг Р. [О глобальном кризисе] // Российский экономический журнал. 2008. № 9-10. С. 11-14.
9. Дмитриева О. [О глобальном кризисе] // Российский экономический журнал. 2008. № 9-10. С. 14-16.
10. Казанцев С. Кризис рукотворный // ЭКО. 2009. № 2. С. 2-22.
11. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 9-27.
12. Кушлин В. Факторы экономического кризиса и базис его преодоления // Экономист. 2009. № 3. С. 3-11.
13. Мамедов О. Кризис, экономисты и ... народ // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 3. С. 5-10.
14. Мау В. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 4-23.
15. Ольсевич Ю. Психологические аспекты современного экономического кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 39-53.
16. Пахомов Ю., Пахомов С. Мировой финансовый кризис: цивилизационные истоки // Экономист. 2009. № 2. С. 37-42.
17. Попов Г. Об экономическом кризисе 2008 года // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 112-119.
18. Пороховский А. Политическая экономия современного кризиса // Главная книга о кризисе: сборник / ред.-сост. Бузгалин А. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 47-58.
19. Сорос Дж. Новая парадигма финансовых рынков. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008.
20. Тамбовцев В. Финансовый кризис и экономическая теория // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 133-138.
21. Ханин Г., Фомин Д. Экономический кризис 2008 г. в России: причины и последствия // ЭКО. 2009. № 1. С. 20-37.
22. Хубиев К. Экономический цикл и кризисы в России: основные макроэкономические тенденции // Главная книга о кризисе: сборник / ред.-сост. Бузгалин А. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 87-116.
23. Шаститко А. Мировой финансовый кризис – возможность для ремонта институтов? // Вопросы экономики. 2008. № 12. С. 133-138.
24. Юсим В. Первопричина мировых кризисов // Вопросы экономики. 2009. № 1. С. 28-39.